Но Курама не может думать о ней, не может даже пошевелиться, потому что внезапно в поле его зрения не осталось ничего, кроме бледной кожи, острого серого глаза и копны серебристых волос. Дыхание замирает где-то в глубине груди, но он все еще чувствует теплое и мягкое прикосновение Какаши к своей щеке. Тело, лежащее на нем, худощавое и сильное, выше и тяжелее его, и жар от него потрясает.

Никто не был так близко за целый год.

Никто не был так близок со времен Сасукэ.

Какаши смотрит прямо на него, их лица разделяет меньше двух сантиметров. Курама видит это, чувствует, когда сглатывает, и почему-то никогда не было такого интимного ощущения, как два тела, прижатые друг к другу так близко, одетые или нет.

"Где Узумаки? Он мой, Хатаке!"

"Анько", - умудряется сказать Какаши, и его голос становится поразительно низким и хриплым. Он приподнимается на предплечьях, и Курама видит, как под тонкой рубашкой напрягаются мышцы. Его серые глаза по-прежнему смотрят на Кураму, непоколебимые и полные чего-то, чему Курама не может дать названия. Возможно, шок, но есть и нечто большее, чего он даже не может понять. "У тебя абсолютно худшее время из всех живых существ, которых я когда-либо встречал, и Паккун в том числе".

"Анко!" - шипит другой голос. Куренай, и голос у нее ужасный. "Анко, он занят! Давай поищем в другом месте!"

Анко насмехается. "Нет, он занят. Есть большая разница, Куренай, и я думала, что мы уже говорили об этом, когда..."

"О боже, прекрати говорить. Прости, Какаши, прости! Анко, посмотри, это не те ли рыжие волосы?"

"Аргх! Маленький ублюдок думает, что хреновый хенге остановит великую Митараши Анко?! ВЕРНИСЬ, УЗУМАКИ, ТЫ МОЙ!"

Анко бросается обратно на улицу, вероятно, в погоне за беднягой, которого Куренай выбрал в качестве жертвы. Еще одно шепотом произнесенное извинение, и Куренай тоже уходит, на ходу обращаясь к подруге с неэффективными мольбами.

Тишина опускается на квартиру, словно утяжеленный лед, а Какаши все еще смотрит на него.

Курама с трудом сдерживает желание прикусить губу и встречает этот острый взгляд, потому что ничего другого он сделать не может. Он ничего не говорит - скорее всего, не смог бы, даже

если бы попытался, - и воздух между ними словно сироп просачивается в его легкие. Вес Какаши нервирует своей интенсивностью, тем, как сильно он его ощущает, прижимаясь к нему всем телом, несмотря на форму обоих.

Какаши снова смотрит на него, и хотя в этот момент он обычно делает какой-нибудь лукавый комментарий, заявляя, что Курама теперь у него в долгу, в комнате царит тишина.

Как долго? почти с отчаянием думает Курама. Как давно я не чувствовал никого другого так...

С тех пор как Сасукэ.

Сасукэ.

Курама закрывает глаза, делает короткий, осторожный вдох, а затем так быстро и осторожно, как только может, выкручивается из-под Какаши. Он поднимается на ноги, надеясь, что джоунин не заметит слабой дрожи в его руках и внезапной горячей боли в глазах. "Спасибо, - произносит он после нескольких мгновений, проведенных в беззвучном поиске слов. "Я в долгу перед вами, Какаши-сан, спасибо еще раз". Не дожидаясь ответа, он направляется к входной двери, но не бегом и не болтом, как бы ему ни хотелось. Все его тело странно дрожит, неуверенное перед лицом такого потрясения, и Курама чертовски надеется, что Анко ушла, потому что сейчас он не в состоянии ее обогнать.

"Курама, - тихо произносит Какаши, кладя руку на ручку.

Проглотив истерический смех, который так и норовит вырваться наружу, Курама поворачивается и улыбается джонину, и, если повезет, улыбка выглядит не так фальшиво, как кажется. Судя по выражению лица Какаши, это напрасная надежда. "Это не ты, это я", - легкомысленно говорит он, стараясь говорить шутливым тоном, но получается не очень, хотя он знает, что слова звучат правдиво. "Я просто... извините. Еще раз спасибо". Прежде чем Какаши успевает окликнуть его, он выбегает за дверь и захлопывает ее за собой, но успевает сделать лишь десяток шагов по коридору, как его начинает трясти, и он вынужден прислониться спиной к стене.

"Черт", - шепчет он в тихий воздух. "Черт, черт, черт".

Потому что Сасукэ уже год как нет в живых, и Курама обещал ему, что не будет зацикливаться на горе и сожалениях, если представится еще один шанс.

Не смей обещать мне этого. Ты заслуживаешь того, чтобы найти кого-то другого, чтобы снова почувствовать это. Это буду не я, это будет не то же самое, но поклянись, что ты позволишь себе это. Поклянись.

И Курама поклялся, не в силах отказать ему ни в чем. Поклялся, и он никогда, никогда еще не

отказывался от своего слова.

И что самое страшное?

Если Какаши захочет получить шанс, захочет чего-то настоящего, Курама не уверен, что откажет ему, независимо от того, давал он клятву или нет.

Почему-то это кажется величайшим предательством среди множества других, и совершенно непростительным.

http://tl.rulate.ru/book/100817/3458555